

Ци Чэнь выдохнул, разжал объятия и, встав, помог Лянь Цинъяну подняться из снега.

— Цинцин, пойдём внутрь!

— Хорошо, — Лянь Цинъян по-прежнему сиял улыбкой.

Ци Чэнь повёл его в дом. Умывшись, они легли в кровать, выключили свет и, лежа бок о бок, уставились в потолок.

Время тянулось медленно. Когда Ци Чэнь уже был готов провалиться в сон, Лянь Цинъян тихо произнёс:

— Я так счастлив! Знаешь, никто и никогда не играл со мной так весело. А-Чэнь, спасибо тебе.

Только что, лежа в снегу, Лянь Цинъян осознал: Ци Чэнь — это именно Ци Чэнь, а не Ло Ичэнь из Управления пространством-временем. Он — человек, существующий в этом мире по-настоящему, из плоти и крови, со своими чувствами. Раньше Лянь Цинъян общался с ним, пытаясь найти в Ци Чэне черты Ло Ичэня, надеясь увидеть в нём своего кумира. Но Ци Чэнь вырос в этом мире, у него иная среда обитания и жизненный опыт.

В этот миг Лянь Цинъян принял решение полностью погрузиться в этот мир. Он больше не рассматривал Ци Чэня как старшего коллегу. Он по-прежнему почитал Ло Ичэня, но полюбил именно Ци Чэня.

В Управлении существует правило: исполнитель заданий может сам выбирать, стирать ли память о пройденных мирах. Лянь Цинъян знал, что Ло Ичэнь всегда стирал её, и сам поступал так же, сохраняя лишь воспоминания о своём родном мире.

Скорее всего, Ло Ичэнь и в этот раз не станет ничего оставлять, а значит, он никогда не узнает о том, что произошло в этом мире. Лянь Цинъян внезапно решил довериться своему сердцу и позволил себе утонуть в радости и счастье, которые дарил ему Ци Чэнь.

Когда задание закончится, он будет хранить эти воспоминания и их хватит, чтобы прожить прекрасную жизнь.

Время будто замерло. Лянь Цинъян о многом передумал, а Ци Чэнь всё молчал. И лишь когда Лянь Цинъян начал погружаться в полудрёму, он почувствовал, как его заключили в тёплые объятия. Издалека донёсся тихий голос:

— Я тоже очень счастлив. Как же я люблю Цинцина!

Лянь Цинъян не успел ответить, как его утянуло в глубокий сон.

Проснувшись на рассвете, Ци Чэнь открыл глаза и посмотрел на того, кто послушно прижался к его груди. Он нахмурился, но в итоге так и не решился оттолкнуть его. Периоды ясности сознания становились всё длиннее. Раньше он был в постоянном тумане, светлые моменты длились не более пяти секунд, а теперь постепенно увеличивались. Кто знает, сколько он пробудет в здравом уме сегодня? Ци Чэнь вспомнил, как они проводили время вместе, и в глубине души поймал себя на мысли, что ему это нравится.

Он с детства был самостоятельным, к тому же его родители очень любили друг друга, поэтому он привык спать один. За годы работы исполнителем он так привык к постоянным заданиям, что никогда не спал крепко. Его напарники знали эту привычку, и никто не ложился рядом.

А сейчас... он провёл рукой по спине лежащего в его объятиях человека, слегка поглаживая его. Даже через одежду чувствовалась мягкость. Как писатель, он наверняка не привык к постоянным тренировкам, поддерживающим мышцы в тонусе, и его тело было таким невероятно мягким и нежным.

Лянь Цинъюан всё ещё спал. Вчера они так заигрались в снегу, что он даже забыл обновить свою новеллу. Его ровное дыхание щекотало ухо Ци Чэня. Не успел тот насладиться этой близостью, как сознание внезапно вновь затуманилось.

— Цинцин! Вставай! Я хочу есть! — став снова маленьким глупышом, Ци Чэнь не знал, что нельзя будить того, кто не выспался. Он тряс Лянь Цинъюана до тех пор, пока тот не открыл глаза.

— Понял, понял, А-Чэнь, подожди немного, дай мне проснуться! — Лянь Цинъюан, зевая, как зомби, сполз с кровати. Он уже привык, что каждое утро его будит этот шумный голодный голос, и, умывшись, пошёл готовить завтрак.

...

— Хозяин, через два дня день рождения Ци Чэня, не забудь подготовить подарок!

Спустя пару недель они устроились на диване за просмотром фильма. Услышав напоминание системы 999, Лянь Цинъюан даже не шелохнулся.

Слушай, Ганьмаолин, Ци Чэнь в таком состоянии, что едва ли помнит о своём дне рождения. А я тем более не должен знать. Если он восстановит память и вспомнит, что я — человек, которого он якобы не знал, — в курсе даты его рождения, он что, не решит, что я шпион, и не устроит мне допрос с пристрастием?

— Тогда зачем хозяин называет его А-Чэнем? Разве это не ставит вас в невыгодное положение?

Лянь Цинъюан открыл рот, принимая от Ци Чэня чипсы, и отмахнулся от системы:

Я же не пишу это в тексте, он и не знает, какой именно Чэнь имеется в виду!

— А если он догадается, как ты его нашёл?

Лянь Цинъян закатил глаза:

Ты точно моя система? Почему ты постоянно ищешь баги в моей работе? К тому же, куратор сказал, что ты должен помогать мне в выполнении задания. Неужели так сложно подправить ему память?

— Ой! Прости, хозяин, забыл, что я — твоя система! — 999 после порции язвительности мгновенно исчез, оставив Лянь Цинъяна в тяжёлых раздумьях о том, почему у системы вдруг проявился такой характер.

На самом деле Лянь Цинъян чувствовал, что Ци Чэнь постепенно приходит в норму. Имя А-Чэнь ему подсказал сам Ци Чэнь, а система в тот момент как раз улетала в штаб, поэтому и подумала, что это Лянь Цинъян придумал прозвище.

Наверняка Ци Чэнь и сам вспомнит дату своего рождения. Пусть он немного и глуповат, но такие глубокие воспоминания обычно сохраняются.

— А-Чэнь, ты знаешь, когда у тебя день рождения? — Лянь Цинъян отодвинул руку с чипсами и посмотрел на него.

Ци Чэнь закинул чипсину в рот, захрустел и, проглотив, ответил:

— 22 декабря.

Сердце Лянь Цинъяна пропустило удар. Это был день рождения Ло Ичэня. Поскольку его собственный день рождения был 22 января, разница в месяц врезалась ему в память навсегда.

Лянь Цинъян выпрямился и позвал систему:

Может ли быть так, что у настоящего Ци Чэня такой же характер, как у Ло Ичэня?

— Поскольку это первая мировая линия, остаточные мысли старшего Ло сильно влияют на носителя. Это касается как естественных, так и социальных и психологических атрибутов. Иными словами, схожесть Ци Чэня с Ло Ичэнем превышает восемьдесят процентов.

Ты хочешь сказать, что в последующих мирах его внешность тоже может измениться?

— Согласно правилам этого задания, значительных изменений не будет. Однако некоторые личные и социальные характеристики могут отличаться от данных старшего Ло.

Ну, это хорошо. Если бы он был точной копией Ло Ичэня, я бы мог только преклоняться перед ним и молиться на него.

— Хозяину не стоит принижать себя, вы тоже весьма выдающийся!

Но по сравнению с Ло Ичэнем я просто...

— Цинцин! Что с тобой? Тебе плохо? — Лянь Цинъян был так погружён в разговор с системой, что едва не перестал воспринимать реальность, и Ци Чэнь звал его уже несколько раз.

Глядя на обеспокоенное лицо Ци Чэня, Лянь Цинъян успокаивающе погладил его по голове:

— Всё в порядке, просто думал, что скоро твой день рождения и что лучше купить в подарок.

Ци Чэнь принялся загибать пальцы:

— Ещё больше недели, не спеши! Хочу рыбу, приготовленную по твоему рецепту!

Лянь Цинъян отверг эту идею. Он очень любил рыбу. Как-то раз он купил огромную рыбину, разрубил её пополам: одну часть сделал в кисло-сладком соусе, другую — в остром бульоне. Ци Чэнь не ел острое, а Лянь Цинъян любил, но в итоге, не уследив, он обнаружил, что Ци Чэнь уже тянет палочками кусок из его порции. И ведь сам боится острого, а всё равно лезет!

<http://bllate.org/book/21564/2220149>